

методике, не всегда, к сожалению, опирающейся на прочный фундамент специальных знаний и профессиональных умений, но ставящей тем не менее во главу угла широкое творческое развитие природных данных и личности ребенка. Литератор, драматург, автор ряда кино- и телевизионных сценариев, своеобразно мыслящий и чувствующий музыку человек, правда, не получивший законченного специального образования, бескомпромиссный и увлекающийся, он, естественно, нес на этом пути неизбежные потери. За них-то и пришлось ему расплачиваться отчуждением дочери, избравшей, скажем прямо, далеко не лучшие формы выяснения отношений с отцом... Опустевшее место в доме

полчаса занятия прерываются, и девочки переключаются на книги: по искусствоведению (от музыки до хореографии и зодчества), классическую поэзию, альбомы с репродукциями шедевров изобразительного искусства.

Ученицы довольны своим наставником и дорожат им, но, говоря откровенно, меня охватывает страх: неужели и на этот раз служение музам в доме Олега Евгеньевича закончится неприятностями? Следовательно, и очередным поражением нравственных устоев, на которых стоит педагогика и которая призвана служить им. В том числе музыкальная, в основе которой лежит сотворение добра и красоты. Повод к тому уже был—

Олега Евгеньевича. Смею заверить — не грех бы некоторые педагогические идеи Осетинского сделать теоретическим и практическим достоянием нашей музыкальной школы, все еще пребывающей в плену схоластических догм и представлений.

...Недавно прошел концерт Полины Осетинской в Большом зале столичной консерватории, теперь — ученицы школы-десятилетки при консерватории Санкт-Петербурга. Исполнялся один из концертов для фортепиано с оркестром Моцарта. Безусловно, это была стилистически верная, грамотная, корректная игра. Однако тщетно было бы искать в ней следы живого, непосредственного дыхания музыки.

СКОЛЬКО ДОЧЕРЕЙ У ОСЕТИНСКОГО?

Кузнецова. — 1994. — 13 авг. — с. 12.

В музыкальных кругах фамилия Осетинский хорошо известна, я бы даже сказал — скандально известна. Правда, вызывает она различную реакцию, но равнодушным из людей осведомленных не оставляет никого.

До сей поры фамилия эта — применительно к женскому роду — звучала в единственном числе: сначала была Полина Осетинская, затем появилась Катя Осетинская. Потом на какое-то время фамилия исчезла. И вот совсем недавно вновь замелькала на афишах, но теперь уже во множественном числе: «Осетинские — Ника и Света».

Сколько разного рода разговоров и слухов было вокруг Полины. Отца ее, Олега Евгеньевича, знаю давно, но в количестве дочерей его запутался. Сейчас получается, что их четыре. В дальнейшем, возможно, число их еще возрастет: Олег Осетинский открыл музыкальный лицей и даже стал директором благотворительного фонда поддержки молодых талантов имени казахского писателя и поэта Олжаса Сулейменова.

Знаю точно, что Полина — его родная дочь. Впервые я увидел ее в канун нового — 84-го года в Институте имени Гнесиных. Девочка не спеша уселась поудобнее, и тотчас же полились трогательные в своей простоте и естественности звуки. Сонаты Моцарта сменились мазурками Шопена, мазурки — прелюдиями Скрябина.

Вскоре меня пригласили на концерт Полины в Доме архитекторов. Еще только приближаясь к зданию, я чуть не столкнулся с исполнительницей. Вязаные нарукавники плотно облегли руки, яркая матерчатая повязка на голове обхватывала ее, словно обруч. Запыхавшись, с каплями пота на лбу, она, вероятно, уже не в первый раз обегала дом — «разминалась», следуя указаниям своего отца и патрона, самолично обучавшего ее музыке.

Концерт был в трех отдела-

ниях и, начавшись в семь, закончился в двенадцатом часу ночи. Этюды Паганини — Листа, «Венский карнавал» Шумана, сонаты Шопена и Скрябина — были исполнены десятки сложнейших фортепианных произведений. Концерт, однако, вызвал разноречивые отзывы и публики, и прессы. Покоряли масштабность, размах таланта девочки-вундеркинда, но одновременно вызвали досадное недоумение и оцепенение япсысы в ее игре — то слишком вольная, не соответствующая духу произведения трактовка, то несовершенство художественного вкуса, то неоправданные купюры и изменения в тексте, то попросту техническая небрежность. Что было «от Бога», то дышало, пульсировало, ликовало, а что шло «от педагога», низводило исповедь детского сердца до фарса.

Накапливая концертный опыт, девочка не без успеха гастролировала в городах России и других республиках бывшего СССР, куда вывозил ее отец. Играла она и с известными оркестрами, например, с камерным оркестром Саулуса Сондецкиса — серьезного и вдумчивого музыканта, не способного размениваться на дешевые сенсации и сумевшего при всей серьезности критики в адрес Полины и ее отца разглядеть достоинства исполнительского искусства юной пианистки.

...Несколько лет спустя Полина Осетинская появилась на экранах телевизоров и не без помощи сердобольных, падишах на сенсацию «дядей» и «тетей», нисколько не смущаясь, повторит «подвиг» вечно живого Павлика Морозова: уличив во всех грехах родного отца, откажется от него на глазах у миллионов телезрителей. То есть вообще откажется от родителей, ибо Олег Евгеньевич с мамой Полины — в разводе, и девочка с малолетства была полностью на его попечении.

Он кормил ее, одевал, воспитывал. Учил игре на фортепиано — как хотел и как мог, по разработанной им самим

Осетинского заняла вскоре его воспитанница Катя, покинувшая родительский кров в предвкушении вождельных лицейских благ и принявшая фамилию Осетинская. Уже на первом своем сольном концерте, — в Зале Чайковского прозвучала музыка Скарлатти, Гайдна, Моцарта, Дебюсси и Скрябина, — девочка-подросток поразила публику если не взыскательностью вкуса и глубиной мысли, то во всяком случае щемящей лирической обнаженностью чувств, изысканностью игры, в которой угадывалась самобытность дарования дебютантки.

К несчастью, концерт этот омрачился скандалом, учиненным родителями Кати, предъявившими свои права на дочь прямо в зале, во время ее выступления, а затем перенесшими «разборку» с ее наставником за кулисы. И вновь воссиял бессмертный лик печально-знаменитого пионера — Катя, обратившись к публике, заявила, что всеми своими успехами обязана только Олегу Евгеньевичу и к родителям «никакого отношения не имеет». Однако это не помешало ей, поссорившись с Осетинским, вернуться вскоре в отвергнутый ею отчий дом...

Новые «Осетинские», объявившиеся недавно, — сестры-близняшки Ника и Света Айнауловы. Обе — выпускницы Алма-Атинской консерватории по классу профессора Галины Ивановны Кононенко, дипломанты Международного конкурса фортепианных дуэтов в Мюнхене.

Без малого год они живут и занимаются у Олега Евгеньевича в условиях полной творческой свободы и строгого распорядка дня. Ежедневно — 8—10 часов занятий за инструментом. Многократное повторение — «до помутнения рассудка» — одних и тех же сложных эпизодов, пассажей и т. д. исключается. Прежде всего исследуется поэтическое содержание музыки, а потом лишь изыскиваются художественные и технические средства решения задачи. Каждые

пять минут выступить под чужой фамилией. Но, слава Богу, кажется, с этим все же покончено: успешные выступления Айнауловых в Большом зале филармонии и Эрмитажном концертном зале Санкт-Петербурга в рамках организованного самим Осетинским фестиваля камерной элитарной музыки уже прошли под настоящей фамилией исполнительниц.

Сестры Айнауловы — девушки уже взрослые, разумные и неамбициозные, из дома не убежали, к Олегу Евгеньевичу пришли по своей воле и с согласия родителей. Это позволяет надеяться, что они не окажутся «сестричками Морозовыми», что за их спинами не поднимутся «доброхоты», способные толкнуть юные души, не успевшие еще обрести нравственной опоры, на мерзкий поступок отречения от тех, кому они обязаны всем — жизнью, талантом, радостью творчества. А также своим будущим, значимостью которого определяется не только и не столько профессиональной выучкой, сколько чистой незапятнанной совестью. В конце концов не сам же Осетинский подставил ту же Полину под телеобъектив!

Безусловно, было бы ошибочно считать Олега Евгеньевича таким невинным агнцем. Методы воспитателя, его поведение если и не всегда определяют поступки подопечных, то во всяком случае оказывают свое воздействие, отражаются в их подсознании. Но учитывая и это, однозначно судить об Осетинском нельзя.

Мне приходилось знакомиться со стенограммами докладов Осетинского, посвященных проблемам современной фортепианной педагогики и музыкального воспитания. Читал он их в разных городах России и Прибалтики. Доклады эти вызвали у меня живой интерес. Всей своей сутью направленные к утверждению воспитанной личности в искусстве и ее права на творческую самостоятельность.

Присутствовал я и на уроках

Выступление Айнауловых произвело совершенно иное впечатление. Едва ведущий объявил имена исполнительниц и назвал произведение, как на сцену выпорхнули (по-другому не скажешь) два изящных черноволосых существа, на лицах которых торжествовала сама непринужденность и нетерпеливая готовность отдать себя во власть всепоглощающей стихии творчества.

Так было дважды: в Большом зале консерватории и в концертном зале Российской академии музыки. Если в первом концерте дебютантки вынесли на суд слушателей почти калейдоскопическое многоцветье сочинений для двух роялей (некоторые из них прозвучали в Москве впервые) — Моцарта и Лютославского, Лигети и Шостаковича, то во втором они совместно с Московской инструментальной капеллой, руководимой Александром Афанасьевым, исполнили концерты для фортепиано с оркестром Моцарта. На долю Ники выпал Двадцатый, Светы — Двадцать третий, и, наконец, вместе они исполнили двойной концерт мизмоль мажор. Грация, женственность, поэтическая проникновенность, светлое мироощущение и щемящая искренность — они так редки в наше время в пианизме!

Возможно, не все в игре сестер было бесспорно: иной раз их исполнение казалось слишком эфемерно-хрупким и утонченно-воздушным, случались и стилистические вольности. Но ведь тем и отличается истинное искусство от ремесленничества, что оно каждый раз по воле исполнителя возникает как бы заново и предстает перед нами во всей своей первозданности, неповторимости, обнажая скрытые от нас ранее грани. Другое дело, что слух наш иногда бывает настолько засорен звуковыми стереотипами, что все новое, непривычное мы воспринимаем скептически.

Герард КИМЕКЛИС.

● Сестры Айнауловы.